

В. Л. Бенин, Е. Д. Жукова

ПОНЯТИЕ «ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И ЕГО ЦЕННОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ¹

Современное состояние исследований в области национальной безопасности главным образом ограничивалось военно-стратегическими, правовыми и экономическими аспектами. Показательно, что в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» упоминание об образовательной безопасности отсутствует. Однако сегодня крайне важное значение для страны имеют именно социокультурные основы обеспечения ее безопасности вообще и проблема образовательной безопасности в частности. По данным Росстата, в 2006 г. в системе образования РФ было занято более 6 млн. работников. Еще более 17 млн. человек обучалось на ее различных ступенях. Если к ним добавить родителей, речь фактически пойдет о четверти населения страны. Поэтому социокультурные процессы, протекающие в сфере образования, не могут не оказывать существенного влияния на национальную безопасность.

Если отступить от узкодидактической точки зрения, образование есть не что иное, как процесс трансляции культуры, а культура, в свою очередь, есть результат образования в широком смысле слова. В современных условиях система образования, по сути дела, осталась единственным институтом государства, формирующим духовные основы личности на фоне мощных и не всегда позитивных потоков информации, проникающей по каналам СМИ. Поэтому исследование социокультурных основ обеспечения национальной безопасности следует начинать с системы образования.

Что происходит с современным отечественным образованием? Возможно, правы те, кто считает, что «наше общество, будучи образованным и духовным, все больше сползает в “массовую” культуру, копируя западные штампы бездуховности, разврата, бесстыдства и вседозволенности» [1, с. 25]. Но, возможно, все не так однозначно и мы имеем дело с объективным процессом, когда «высокая культура» раз-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНТИ в рамках работы по проекту 13.11.25 «Фундаментальные социокультурные основы обеспечения национальной безопасности России».

рушается, перестает существовать как влиятельная страста, маргинализуется, оказывается в ведении узкого круга знатоков. В такой культуре современное общество больше не нуждается, и не потому, что не пользуется ее плодами, а потому, что оценивает их по той стоимости, которую они могут иметь как товар на рынке развлечения, а эта стоимость крайне низкая [2, с. 68]. Кто прав?

Очевидно, что для ответа на поставленный вопрос нужен не узкопедагогический, а широкий социокультурный взгляд. Он, в свою очередь, диктует необходимость как минимум следующего.

1. Необходимо определиться с пониманием места образовательной безопасности в общей системе социокультурных основ обеспечения национальной безопасности России. Система образования должна обеспечивать текущие и перспективные кадровые потребности страны, гарантируя ее интеллектуальную независимость во всех сегментах общественного производства и общественной жизни.

2. Определение того, какие ценности на самом деле формирует (и формирует ли) система современного российского образования и как они влияют на общественную безопасность. Например, в 2001–2003 гг. в 48 регионах России было проведено социологическое исследование «Социальный портрет учащихся НПО», показавший, что более половины учащихся НПО и в городе, и на селе не связывают однозначно свою жизнь с Россией [3, с. 68]. Это свидетельство массовой неприемлемости у молодежи условий и смысла жизни в нашей стране. Кто скажет, что она не имеет отношения к проблеме национальной безопасности?

3. Выявление качественно-количественных показателей реальной и востребованной подготовки кадров по специальностям, отраслям и уровням образования в соответствии с потребностями страны. Очереди абитуриентов на юридические и экономические специальности и их явный дефицит на специальностях, связанных с реальным производством (во всех сферах и на всех уровнях) – печально известная реальность современного российского образования.

4. Разработка и внедрение системы преодоления как неспецифических, так и специфических факторов, негативно влияющих на состояние здоровья всех участников системы образования. Учительство как профессиональная группа отличается крайне низкими показателями здоровья. Сегодня профессия учителя реально может быть отнесена к группе профессий «повышенного риска» по частоте невротических расстройств, заболеваний органов дыхания и кровообращения [4, с. 1].

В вузах практически у половины обследованных студентов уровень физического здоровья оценивается как «низкий» и «ниже среднего» [5, с. 21]. Как правило, этот «багаж» они зарабатывают в школе, поскольку здоровьесбережение в реальном образовательном процессе, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

5. Учет социальной значимости и последствий крупномасштабных реформ и нововведений в системе образования в их влиянии на социальную стабильность и безопасность. Незатихающие общественные споры о целях, ходе и результатах реформы образования, во всяком случае, демонстрируют явную социальную заинтересованность в ее освобождении от чиновничьего диктата и келейности.

Ответы на поставленные вопросы позволят выявить проблемы развития образования в контексте обеспечения национальной безопасности и сохранения отечественной культуры, а в итоге определиться с тем, что такое социокультурная безопасность и каково место образования в ней. Во всяком случае, для нас очевидна целесообразность введения в научный оборот терминов «культурная безопасность» и «образовательная безопасность» и их изучения с целью содержательного наполнения. Мы полагаем, что:

- под культурной безопасностью следует понимать систему, направленную на разработку и реализацию мер по защите национальной культурной традиции как механизма социализации и трансляции социального опыта от любого рода опасностей, связанных с разрушением данного механизма;
- под образовательной безопасностью следует понимать систему, направленную на разработку и реализацию мер по защите участников образовательного процесса от любого рода опасностей, связанных с осуществлением данного процесса, либо возможность прогнозировать и предупреждать такого рода опасности, а при их возникновении управлять ими с целью минимизации возможных потерь.

Образовательная безопасность – это многоаспектное явление. И поскольку в одной статье всесторонне раскрыть его невозможно, ниже мы остановимся лишь на его ценностной составляющей.

Как известно, в момент рождения человек не получает от общества наследственные социальные программы (язык, поведение и т.д.). Духовное развитие не записывается в генах, подчеркивал академик Н.П. Дубинин [6]. Поэтому формирование социальной системы «человек – личность» требует тщательной и длительной подготовки

и должно быть отражено во всей структуре содержания его аккумуляции и социализации, то есть – образования.

Иначе говоря, образование является главным социогенетическим механизмом. Причем в системе «человек – личность», равно как и в самой культуре, закладывается программа самоидентификации и самоактуализации, основанная на определенных ценностных нравственно-этических и эстетических принципах, порождаемых ценностной осью самой культуры. Без данной оси, как известно, происходит нравственное перерождение личности, наступает моральное уродство.

Поскольку сущностное понимание воспитания и обучения связано с фактором человеческой деятельности, то любой реально существующий вид деятельности (трудовой, научный, нравственный, эстетический и т.д.), а также осуществляющая его группа лиц выражает образовательную функцию. Но что служит основанием адекватности общественного характера как обучения и воспитания, так и их усвоения подрастающим поколением?

Б.С. Ерасов, на наш взгляд, верно отметил: «Позитивные мотивации опираются на ценности, которые осваиваются индивидом и становятся ценностными ориентациями, направляющими его сознание и поведение» [7, с. 114]. Однако подобные воспитательно-образовательные возможности высоки в условиях социальной стабильности, т.е. устойчивого общества с устойчивой системой ценностей. При социальных катаклизмах они сводятся к минимуму в связи с крахом прежней системы ценностей, которая базируется на потерявших актуальность традициях.

Нам уже приходилось отмечать, что генезис национальных образовательных систем своими корнями уходит в традиционные формы культуры. Но традиционная культура в собственном смысле слова фактически реализовала свой потенциал уже в XVIII веке. Постепенно приняв фольклорные формы, она уступила место процессу формирования более сложных социальных инфраструктур общества. При этом сложно расщепленная структура взаимодействий городской культуры с внешним миром привела к формированию нового типа культуры – мозаичной, которая в процессе развития породила феномен массовой культуры. Мозаичная культура представляет собой форму социализации личности, основанную на хаотичном влиянии социокультурной среды в процессе формирования социальной страты. Применительно к процессам формирования систем ценностей можно утверждать, что мозаичная культура отличается известной

мерой спонтанности и хаотичности в присвоении индивидом духовных ценностей по мере его продвижения по социальным структурам, т.е. размытостью ценностных предпочтений и ориентаций. В результате маргинальность в новой культурно-информационной среде постиндустриального общества превращается в норму общей культуры личности, определяющей ценностные структуры мозаичных связей, составляющих культуры общества [8, с. 169-170].

Становление культурного человека – это процесс активного, целенаправленного развития и саморазвития в постижении, воспроизводстве и приумножении культурных ценностей. Его деятельность, прежде всего, характеризуется умением «обращаться» с культурой и в культуре; способностью к воспроизводству и приумножению культуры, а также к самопроизводству в ней. Именно поэтому, развиваясь, общество создает специальную сложную систему образования, которая призвана стабилизировать и восполнить когда-то традиционные, но утратившие актуальность пути социализации и аккультурации личности. В XX веке развитие национальных систем образования показало колоссальные возможности направленного проектируемого процесса формирования личности, при условии ее опоры на определенные парадигмальные установки идеологии. Но что такое идеология?

Понятие идеология, отмечает Н.Д.Никандров, употребляется как минимум в трех существенно различных смыслах. Во-первых, это система основных идей, имеющих мировоззренческое значение. Во-вторых, это система классово-политических и экономических идей, которые, конечно, тоже имеют прямое отношение к мировоззрению, но не исчерпывают его. В-третьих, это система идей и принципов в какой-либо области, определяющих приоритеты действия человека в ней [9, с. 153]. И если нас не устраивает то, что в недавнем прошлом идеологию обычно понимали прежде всего и даже почти исключительно во втором значении, то это не значит, что она не нужна обществу в значении первом.

Начавшийся в России в конце 80-х гг. XX в. социально-экономический кризис повлек за собой неминуемую массовую утрату ценностных основ ее граждан. На наших глазах не только осуществлена полная деидеологизация общества, но, вместе с девальвацией образования, произошла и деградация социокультурной устойчивости личности новых поколений. Глобализация современной экономики и порождаемый ею тип системной конкуренции по-новому поставили вопрос о сравнительных конкурентных преимуществах, которыми об-

ладают те или иные субъекты мирохозяйственных отношений, нации, региональные сообщества и, в конечном счете, отдельные индивиды. Следует признать, что интеграционные процессы формирования общеевропейского образовательного пространства входят в острое противоречие с попытками сохранить уникальность национальных форм социализации. Эти процессы фактически предопределяют на первый взгляд парадоксальное явление – высшее образование как в Европе, так и в России превращается в один из инструментов распространения массовой культуры. Оно становится широко доступным и массовым, но, что весьма важно, утрачивает национальные ценностно-идеологические корни. В результате образование постепенно утрачивает свои внутрикультурные функции, выпадает из векторных процессов культуры.

Глобализация образования с неизбежностью приводит к провозглашению идеи общечеловеческих ценностей и объявлению их приоритетными. Но что такое «общечеловеческие ценности»? Многие современные мыслители ставят под сомнение их значимость. Так, директор Института философии РАН А.А. Гусейнов утверждает: нельзя принимать за чистую монету то, что именуется высшими ценностями, прокламируется в качестве предназначения культуры. Они не столько проясняют опыт культур, сколько, наоборот, затемняют его. Чаще всего они имеют демагогический смысл или являются самообманом [2, с. 60]. В.М. Межуевым ставится вопрос: любая ли культура способна вести диалог? Толерантность как способность человека к диалогу в системе общечеловеческих ценностей рассматривается в качестве основы развития его личности. Но «диалог – чисто европейский способ общения. Первыми о диалоге заговорили греки. Я не уверен, что диалог возможен на Востоке. Восточные пророки и мудрецы не вступали между собой в диалог, все религии монологичны по своей сути. Даже православные пока не могут вступить в диалог со своими собратьями во Христе – католиками и протестантами» [там же, с. 37].

Понятие «общечеловеческие ценности» – понятие сугубо западноевропейское. Исторически сложилось так, что национальная консолидация западноевропейских народов осуществилась ранее, чем народов Восточной Европы и Ближнего Востока. К тому же в ценностно-ментальных основаниях европейской культуры лежало индивидуалистическо-правовое начало античной культуры, с одной стороны, и специфическая объединяющая миссия христианской католической церкви, – с другой.

Общечеловеческие ценности, казалось бы, неминуемо должны сближать культуры всех стран и народов. Но нередко под общечеловеческими ценностями понимаются только гуманитарные ценности. На наш взгляд, это неверно и глубоко ошибочно. Культура представляет собой совокупность накопленного ассоциированным человеком социального опыта во всех сферах его жизнедеятельности. В основе этой жизнедеятельности лежит предметно-практическое познание и преобразование мира и, следовательно, практические и естественно-научные знания. Поэтому думается, что в составе общечеловеческих ценностей элементы материальной культуры и естествознания доминируют. Но там, где культуры могут сблизиться через предметно-деятельностные основания, их все равно будут разделять ценностные основания культурно-идеологических систем. Поскольку сам смысл ценности человека в культурах разных народов читается по-разному. Проблема образования в России сегодня напрямую связана с тем, что его реформирование на основе приоритетов европейской традиции опережает формирование собственной национальной идеологии.

Есть еще один аспект, на который следует обратить внимание в контексте разговора об образовательной безопасности. Это ценностный статус самого образования.

Широко распространено мнение, что в России знания вообще и грамотность особенно всегда рассматривались как безусловная ценность, а их отсутствие – как недостаток. В доказательство тому приводились пословицы и поговорки типа: «Грамоте учиться всегда пригодится», «Кто грамоте горазд, тому не пропасть» и им подобные. Однако реальное отношение россиян к знанию было более сложным и не столь однозначным. В старообрядческих, казачьих и купеческих семьях грамотность ценили. Без нее нельзя было успешно торговать, тем более выйти в промышленники. Что же касается крепостных крестьян, то В.Д. Семенов отмечал не только их поголовную безграмотность (что, собственно, не ново), но и негативное отношение к грамотности [10, с. 16]. И это объяснимо, поскольку в лице образованных людей (чиновников, господ, представителей власти вообще) крестьяне видели для себя только вред и старались держаться от них подальше. Показательно, что составленный В.И. Далем сборник пословиц русского народа богат выражениями типа: «Ныне много грамотных, да мало сытых», «Книга, а в ней кукиш да фи́га», «Уложенья читает, а дела не знает» [11]. Трудно увидеть в этом большое почтение к знанию.

В традициях российской ментальности отношение к образованию всегда было особенным. Мы, например, не найдем в таком монументальном труде, как «Константы: Словарь русской культуры» [12], статьи, посвященной образованию. И это не удивительно, потому что, вопреки укоренившемуся мнению, образование никогда по-настоящему не входило в структуру ценностей российского общества.

Исторически ситуацию спасала традиционная целостность социальных страт русской общности и воспитание в них человека на высоких нравственных и созерцательно-эстетических началах. В этом и соприкасались образование и русский человек. Образование не стало для России продуктом или инструментом, связанным с рыночными, производственными отношениями. Оно было мерилем духовности и гедонистической «отдушиной» для человека мыслящего, найдя, таким образом, опосредованную нишу в российской культуре. Роль образования в России – создавать гуманитарный буфер в социальных и полиэтнических коллизиях.

Предпосылки массовости европоцентричного образования понятны, ибо заложены в скрытых общезначимых смыслах европейской ментальности. Примером может служить компетентностный подход к содержанию образования. Его основная задача состоит в том, чтобы создать социально-мобильного специалиста, способного достаточно легко передвигаться как в горизонтальной, так и вертикальной общественной системе страт. Это требование современной динамики развития мирового сообщества. Прежде всего, оно обслуживает процесс социализации личности на мировом рынке труда. Специалист-профессионал должен быть готов к самореализации не только внутри собственных культурных границ, но и за их пределами. Процесс инкультурации в данном подходе тоже должен обслуживаться, по мнению специалистов, набором компетенций.

Однако достаточно сложно представить некую компетенцию (или даже их набор), способную отразить всю совокупность ценностных представлений культуры, включающих эмоциональную, чувственную, ментально-архетипическую и прочие составляющие. Что касается ценностного содержания образования – оно автоматически придается компетенциям, связанным либо с общесоциальными, либо с общекультурными качествами специалиста. Национальная составляющая утрачивает свое значение, так как производство стали, станкостроение, политические, экономические и педагогические технологии должны стать безликими, иначе они утратят значение общеприменимых.

На наших глазах происходит аксиологический крах образования. Потеряв свои смыслы в культуре, образование перестало быть культурной ценностью. Российское же образование, не имея исторических константных основ, являющееся относительной ценностью лишь отдельных социальных групп, сегодня, в условиях интеллектуальной вседоступности и обезличивания, утратило последнее – свое гедонистическое значение. На фоне последних данных о ценностных ориентациях выпускников школ, по которым чистая совесть, приношение пользы обществу являются для них лишь периферийной группой ценностей, а желание иметь доступ к общечеловеческой культуре и вовсе является ценностью низшего статуса [13, с. 86]), потери образования носят невосполнимый характер.

Из сказанного вытекает неутешительный вывод о том, что на сегодняшний день вся система образования как таковая и образовательный потенциал общества в целом находятся в резонансе с процессом сохранения уникальной российской культуры. Разбалансировка и без того шатких динамических связей образования в культуре ведет к разрушению обеих. Поэтому сегодня нельзя говорить о культурной безопасности страны, не подразумевая под этим решение проблем безопасности образовательной. По сути, разработка системы образовательной безопасности и создание гуманитарных технологий ее сохранения становится центральной проблемой всего социально-гуманитарного блока. Необходимо создание такой системы, которая, с одной стороны, создаст преемственность общего образования и культурных ценностей народов нашего государства, а с другой – на ступенях высшего образования, с опорой на сформированные ценностные установки родной культуры, позволит сформировать устойчивые гражданские и общепрофессиональные качества личности.

Литература

1. *Абдулатипов, Р.Г.* Воля к смерти (Философия кризиса глобального человека). М: Классика Стиль, 2007.
2. *Культурология как наука: за и против: круглый стол* (Москва, 13 февраля 2008 г.). СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.
3. *Ткаченко, Е.В.* Современные проблемы социализации учащейся молодежи в системе начального профессионального образования // *Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО.* 2002. № 2.

4. *Гревцова, Е.А.* Комплексная социально-гигиеническая оценка условий труда и здоровья учителей общеобразовательных школ Центрального федерального округа Российской Федерации и меры по их оптимизации: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2007.
5. *Мухаметова, Г.Р.* Медико-социальные проблемы образа жизни и здоровья студентов – будущих педагогов: дис. ... канд. мед. наук. Казань, 2005.
6. *Дубинин, Н.П., Шевченко, Ю.Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М.: Наука, 1976.
7. *Ерасов, Б.С.* Социальная культурология. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000.
8. *Бенин, В.Л., Жукова, Е.Д.* Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания // Понятийный аппарат педагогики и образования. М., 2007. Вып. 5.
9. *Никандров, Н.Д.* Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. Екатеринбург: Изд-во УрГППУ, 2000.
10. *Семенов, В.Д.* Социальная педагогика: История и современность. Екатеринбург: Урал гос. пед. ин-т, 1993.
11. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: ЭКСМО, 2006.
12. *Степанов, Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.
13. *Винтин, И.А.* Особенности социального самоопределения старшеклассников // Социологические исследования. 2004. № 2.